

ГАЛИНА
Колоскова

После

ИЗМЕНЫ

срыт на коже

Галина Колоскова

После измены. Соль на кожу

<https://litres.ru/74234258>

SelfPub; 2026

Аннотация

На самом краю, где поглубже, плавают двое. Мужчина и девушка. Он подныривает, выныривает прямо перед ней, стряхивает воду с волос. Она смеётся, бьёт ладонью по воде, обдаёт его брызгами.

Я смотрю и не могу пошевелиться.

Это Дима.

Мой муж. Отец моего ребёнка. Человек, которому я отдала двадцать с лишним лет.

И девушка с которой он не сводил глаз за завтраком. Аниматор в розовом купальнике. Длинные светлые волосы. Молодая. Красивая. Чужая.

Она что-то говорит, он наклоняется ближе, слушает. Потом вдруг притягивает её за талию и целует.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Галина Колоскова

После измены.

Соль на кожу

Пролог

Лена

— Леночка, вы там как, готовы? Напомните Диме, что у нас созвон с заказчиками в пятницу, хорошо? Без него не начнём.

Удерживаю телефон плечом, одновременно пытаюсь застегнуть молнию на переполненном чемодане. Киваю, хотя Игорь этого не видит. Конечно, напомню. Конечно, органирую. Как всегда.

— Не волнуйся, Игорь, напомню, — стою на одной ноге, рискуя рухнуть вместе с содержимым проклятого багажа. — И про пятницу, и про понедельник. Ты же знаешь, я всё контролирую.

— Знаем, Лен, знаем. Что б мы без тебя делали? Отдыхайте, вы заслужили. Диме привет передавай.

Я сбрасываю вызов и смотрю на этот чёртов чемодан. Молния никак не поддаётся. Дёргаю сильнее, чувствуя, как внутри, между рёбрами, тоже что-то натягивается до звона.

Дима просил собрать его. Сказал, что у него горит проект, не успевает. Конечно, я согласилась. Я всегда соглашаюсь.

В чемодане, кроме стопки льняных, только что отглаженных рубашек, крем для бритья, который он вечно забывает. Новые плавки — я специально купила, темно-синие, под цвет его глаз. Шорты, брюки. Книга Бегбедера, которую он станет читать на пляже. Светлый льняной пиджак, что нужно будет отпарить на месте — в чемодане он безнадёжно помнётся.

Смотрю на свою половину чемодана. Скромный уголок. Два купальника, паралёгких платьев, одно для выхода, книга по нейрореабилитации, которую буду читать в номере, пока он спит или ходит на пляж.

Я не жалею. Честно. Я забочусь о муже. Это мой способ любить. Но закончив собирать его вещи, понимаю, на свои уже не осталось ни сил, ни времени. Внутри появляется странная пустота.

Я сажусь на край кровати. Наше путешествие. Сочи. Пятизвёздочный отель, забронированный ещё полгода назад, тайком, чтобы сделать ему сюрприз на день рождения. Я представляю, как мы выйдем на балкон. Он увидит море, улыбнётся и обнимет меня так, как не обнимал уже давно. По-настоящему. С чувством.

Я хочу вернуть нас. Тех, прежних, двадцатилетних, когда он смотрел на меня так, будто я — единственное чудо в его жизни. Я знаю, что это глупо. Что брак — это работа. Я все

совместно прожитые годы работаю. Тяну его студию дизайна, как ломовая лошадь, решаю вопросы с заказчиками, гашу конфликты, подкидываю идеи, которые он выдаёт за свои. Я не жду благодарности. Я просто хочу, чтобы он был счастлив. Чтобы мы были счастливы.

Может, это просто усталость? Я сутками в центре реабилитации, ставлю на ноги людей после инсультов, учу их заново жить. А дома — учу жить его. Для того, чтобы чувствовать себя нужной, я обязательно должна кого-то спасать.

Звонит телефон. Дима.

— Лен, ты ещё не уехала? — голос весёлый, чуть пьяный.
— Слушай, мы тут в «Сахалине», народ не расходится. Ты заедешь или мне такси вызвать?

Смотрю на часы. Десять вечера. Завтра в девять утра самолёт. Мне ещёв душ,ещё собраться.

— Я заеду, — отзываюсь ровным голосом. — Через час буду. Только соберусь.

— Ленка, ты золото! — бросает он в трубку и отключается.

Я сижу ещё минуту. Потом встаю, подхожу к чемодану и с силой дёргаю молнию. Она заедает. Я дёргаю сильнее. Ещё сильнее. Ноготь ломается, резкая боль пронзает палец. Я сую его в рот, чувствую вкус крови и внезапно понимаю, что по щекам текут слёзы.

Глупо. Из-за чемодана. Из-за сломанного ногтя. Из-за того, что он назвал меня золотом, а я не золото. Я просто удоб-

ная. Я та, кто всегда заедет, соберёт, напомним, поймёт и простит.

Вытираю слёзы тыльной стороной ладони. Смотрю в зеркало на свои красные глаза, на сломанный ноготь, на эту женщину в дорогом домашнем платье, которая через час поедет в центр Москвы забирать пьяного мужа из ресторана, чтобы завтра утром улететь с ним в Сочи и делать вид, что у них всё хорошо.

Я убираю телефон и снова смотрю на чемодан. С усилием дёргаю молнию. На этот раз она поддаётся. Закрываю глаза и представляю море. Тёплое, солёное, бесконечное... Оно смоем эту странную пустоту, там, у воды, мы снова найдём друг друга.

— Ну всё, Лена, — говорю себе вслух. — День рождения. Подарок. Море. Он будет счастлив. А значит, и ты будешь счастлива!

Я говорю это так убедительно, что почти верю.

Почти...

Глава 1

Лена

Просыпаюсь от того, что слишком светло. В Москве такого света не бывает. Там он всегда пробивается сквозь тучи, высотки, чужие окна, а здесь — хлопбысь в лицо, и не отвертишься!

Сочи. Отель. Я лежу на огромной кровати, занимая ровно треть. Дима раскинулся на остальных двух третях, как царь зверей на сафари. Спит. Лицо безмятежное, тёмные ресницы, губы чуть приоткрыты. Волосы разметались по подушке, седина на висках блестит в утреннем свете. Красивый. Даже сейчас, в свои сорок семь, он может вскружить голову любой дурочке. Любой. Знаю это по личному опыту.

Пялюсь на него и думаю: двадцать пять лет назад я стояла в университетском коридоре с зачёткой в одной руке и яблоком в другой, а он проходил мимо и сказал: «Девушка, это вы так вкусно пахнете или ваше яблоко такое особенное?». Идиот. Смешной. Молодой. Мой.

Сейчас он пахнет вчерашним вином и морем. Яблоком от него не пахнет уже лет пятнадцать.

Осторожно выскальзываю из кровати, босиком ступаю на прохладный пол. Раздвигаю портьеры и замираю.

Море. Огромное, синее, бесконечное. Оно плещется внизу, за пальмами и бассейнами. Зажмуриваюсь от счастья. Я

смогла. Организовала, подарила ему этот день.

Зажмуриваюсь от удовольствия и чуть не тру ладошки. Я смогла. Я это сделала. Спланировала, организовала, оплатила, выбила ему выходные, уболтала замов, перекроила свой график — и вот оно!.. Сочи. День рождения. Счастье.

В груди разливается тепло. Наверное, так чувствует себя лошадь, дотащившая воз до вершины горы.

Звонит телефон. Я хватаю его, чтобы не звякнул лишней секунды.

— Лена Сергеевна, простите ради бога, — голос Ирочки, моей медсестры, дрожит — Там Петровский из двадцать третьей, с атаксией, давление подскочило до двести, он орёт, что мы его убиваем, и требует вас. Илья Михайлович просил уточнить схему...

Выхожу на балкон, прижимаю трубку плечом, чтобы не мешать Диме спать. Смотрю на море и диктую ровным голосом:

— Магнезию уберите, у него брадикардия. Полмиллилитра клофелина внутримышечно, но медленно. И баклофен уберите вообще, замените на сирдалуд. Я позвоню Илье сама.

— Хорошо, Лена Сергеевна. Извините ещё раз. Отдыхайте.

— Отдыхаю, — говорю я и удивляюсь своему спокойствию.

Отдыхаю. Между пальмами и давлением пациентов. Меж-

ду его счастьем и чужими жизнями. Даже здесь, на райском курорте, решаю чужие проблемы. Потому что умею. Потому что без меня всё развалится. И Петровский помрёт, и Дима забудет надеть носки.

Убираю телефон и смотрю на море. Оно бесконечное, спокойное, красивое. По воде бежит золотая дорожка, прямо к моим ногам. Как будто природа говорит: «Лена, иди сюда, я тебя люблю». Я почти верю.

Дима ворочается, открывает глаза, смотрит на меня сонно.

— Ты чего не спишь? — голос хриплый со сна.

— Море смотрю. Доброе утро, именинник.

Он тянется, хрустит шеей, садится на кровати.

— Доброе. Чай, кофе?

— Кофе, — улыбаюсь я. — В постель.

Он усмехается, встаёт, натягивает джинсы, идёт к кофемашине. Я смотрю на его спину, на широкие плечи. Он мой. Весь мой. Мы здесь. Вместе. И пусть весь мир подождёт...

Через час мы спускаемся завтракать. Ресторан утопает в солнце, официанты улыбаются так, будто мы их лучшие друзья, шведский стол ломится от еды. Я беру себе круассан и яблоко. Дима накладывает гору — яйца, бекон, сыр, фрукты, йогурт.

Садимся за столик у окна. Море синее прямо за стеклом. Красота неопишуемая. Дима смотрит куда-то в сторону. Я оборачиваюсь.

Там, у бассейна, стоит девушка. Ярко-розовый купальник, длинные светлые волосы, ноги от ушей. Она хохочет, запрокидывая голову, и волосы разлетаются как в рекламе шампуня. Рядом с ней ещё несколько таких же — молодых, лёгких, беззаботных. Аниматоры. Они затевают игру с гостями, прыгают, визжат, брызгаются водой.

— Красиво, да? — голос звучит ровно, даже слишком.

Дима вздрагивает, переводит на меня взгляд.

— Что? А, да. Море красивое.

— Я про девушек.

Он смущается. Краснеет. Мой сорокасемилетний муж краснеет как школьник.

— Лен, ну ты чего...

— Ничего. Ешь давай.

Я откусываю круассан. Масло тает на языке, но внутри вдруг появляется холодок. Маленький, с горошину. Я его проглатываю вместе с круассаном.

— Слушай, — говорит он, жуя бекон. — Может, вечером в ресторан на набережной сходим? Тут, говорят, барабульку божественно делают.

— Конечно, — говорю я. — Куда хочешь.

Он улыбается той улыбкой, за которую я всё ему прощаю. И я снова чувствую тепло. Просто показалось. Просто он устал. Просто хочет отдохнуть, набраться впечатлений. Мужская физиология. Они все смотрят на красивых девушек, это ничего не значит.

— Конечно, — киваю я. — Куда хочешь.

— И на яхту завтра? Ты говорила про прогулку по морю.

— Завтра в три.

— Ты моя золотая, — он тянется через стол, сжимает мою руку. — Всё продумала.

Я улыбаюсь. Рука в его руке. Тёплая. Родная. Я почти счастлива.

Он снова смотрит в сторону бассейна. Быстро, украдкой, но я замечаю. Я всегда всё замечаю.

Телефон вибрирует. Илья Михайлович. Вдыхаю и выхожу на террасу. Мы обсуждаем Петровского, потом схему для Семеновой, потом нового пациента с редкой патологией. Илья уважает моё мнение. Дима тоже уважает. Все меня уважают. Все меня любят. Все мной пользуются.

Возвращаюсь через десять минут. Дима пьёт апельсиновый сок и смотрит в телефон. Быстро убирает его в карман, когда я подхожу.

— Всё? — спрашивает.

— Всё.

— Пошли купаться?

— Пошли.

Бассейн сверкает бирюзой. Дима сразу ныряет, плывёт брассом, мощно, красиво. Я сажусь в шезлонг, намазываю кремом плечи. Смотрю на него. Мимо пробегает та самая девушка в розовом. Дима выныривает прямо рядом с ней. Она смеётся, что-то кричит. Он отвечает. Они смеются вместе.

Я сжимаю тубик с кремом так, что он хрустит.

— Мамочка, смотри, какой дядя быстрый!

Рядом женщина с маленькой девочкой. Девочка тычет пальцем в бассейн.

— Вижу, — говорит женщина. — Это папа той тёти, наверное.

Я отворачиваюсь. Смотрю на море.

Дима выбирается из воды, подходит ко мне, стряхивает капли на мои ноги.

— Вода супер! Иди ко мне.

— Я чуть позже.

Он пожимает плечами, падает на соседний шезлонг, закрывает глаза.

— Отлично здесь, — бормочет он. — Спасибо тебе, Лен.

— На здоровье.

Я смотрю на его лицо. Спокойное. Расслабленное. Счастливое. И думаю о том, что готова на всё: собирать чемоданы, решать чужие проблемы, прощать его взгляды на молодых девушек. Готова быть диваном, едой, удобным халатом. Лишь бы он был счастлив.

Я удобная. Это моё главное качество. Удобная жена. Удобный врач. Удобная мать для уже взрослых детей. Удобная подруга для подруг, которые звонят только когда им что-то нужно.

Удобная Лена.

Звучит как название мемуаров. «Удобная Лена, или Ис-

тория одной дуры».

Вечером мы идём в ресторан. Барабулька действительно божественная. Дима много шутит, рассказывает байки, я смеюсь. Мы пьём вино, смотрим на огни набережной. Вокруг смеются люди, играет музыка, пахнет морем и шашлыком. Жизнь прекрасна.

— Спасибо тебе за всё, — мы выходим на набережную.

Он останавливается, берёт моё лицо в ладони. Смотрит долго, изучающе. Потом целует.

Коротко. Сухо. По-родственному. Как целуют тётку на дне рождения.

Снова берёт меня за руку, мы идём к отелю. Пальцы тёплые. Родные. В груди пустота. Большая, как это море.

В номере он падает на кровать, хватается пульт.

— Я в душ... — Чуть задерживаюсь. Жду, вдруг он скажет, как раньше: «Я с тобой!»

Но в ответ:

— Ага.

Стою под горячей водой и думаю о том, что завтра будет новый день. Новое солнце. Новое море. И я снова буду держать удар. Потому что я так умею. Потому что я так живу. Потому что я люблю.

Закрываю глаза и шепчу:

— Всё будет хорошо, Лена. Всё будет хорошо.

Вода смывает слова быстрее, чем я успеваю в них поверить.

А потом я выключаю воду и слышу его голос из комнаты. Он говорит по телефону. Тихо. Очень тихо. Почти шёпотом: — Да, малыш, я тоже скучаю. Завтра позвоню.

Я стою под дверью ванной, голая, мокрая, с каплями воды на коже.

Малыш...

Он никогда не называл меня так.

Глава 2

Лена

Просыпаюсь не выспавшейся. Ворочалась, считала овец, потом волны, потом просто смотрела в потолок и слушала дыхание Димы. Ровное, спокойное. Он спал. А я лежала и думала о том, почему его взгляд на девушку в розовом купальнике до сих пор стоит перед глазами.

Плетусь в душ. Стою под горячей водой и приказываю себе успокоиться. Ты взрослая женщина, Лена! Кандидат наук. Врач. Ты людей из комы вытаскиваешь, а тут просто муж на девушек посмотрел. С кем не бывает.

За окном снова море, пальмы, солнце. Дима уже не спит, сидит в телефоне, что-то читает, улыбается.

Приветствую:

— Доброе, — голос звучит бодрее, чем я себя чувствую.

— Доброе. — Он поднимает голову, смотрит мимо меня.

— Ты как?

— Лучше всех, — вру легко и привычно. — А ты?

— Нормально. Сегодня что делаем? — спрашивает он, откладывая телефон экраном вниз.

— Я думала в спа сходить. Расслабиться до яхты. У них массажи классные, я читала отзывы.

— Отлично, — кивает он. — А я, наверное, у бассейна почитаю.

— Конечно.

Мы улыбаемся друг другу. Идеальная пара. Если бы кто-то снимал нас сейчас на камеру, получился бы отличный социальный ролик о счастливом браке. Только его улыбка не доходит до глаз. И моя — тоже.

После завтрака переодеваюсь в купальник, накидываю халат, беру полотенце. Дима уже сидит в шезлонге с книгой. Смотрит поверх страниц, туда, где собирается компания аниматоров.

— Я в спа.

— Ага, — кивает, не оборачиваясь.

Возвращаюсь назад расслабленная, не через холл, а по дорожке вдоль бассейна. Разглядываю отдыхающих. Семья с детьми. Пожилая пара. Компания молодых ребят. В бассейне плещутся люди, смеются, брызгаются.

Я останавливаюсь.

На самом краю, где поглубже, плавают двое. Мужчина и девушка. Он подныривает, выныривает прямо перед ней, стряхивает воду с волос. Она смеётся, бьёт ладонью по воде, обдаёт его брызгами.

Я смотрю и не могу пошевелиться.

Это Дима.

Мой муж. Отец моих детей. Человек, которому я отдала двадцать пять лет.

И та самая девушка. Розовый купальник. Длинные светлые волосы. Молодая. Красивая. Чужая.

Она что-то говорит, он наклоняется ближе, слушает. Потом вдруг притягивает её за талию и целует.

Я смотрю на это и не верю своим глазам. Это не кино... Это моя жизнь! Вот она, в бирюзовой воде, под ярким сочинским солнцем!

Я вижу каждое их движение. Как его рука ложится ей на поясницу. Как она запрокидывает голову. Как он целует её не быстро, не дежурно, а долго, глубоко, со страстью.

Вода прозрачная как стекло. Я вижу их ноги, переплетённые под водой. Вижу, как он держит её. Как она тает в его руках.

Мир сжимается до размеров этой картинки. Звуки исчезают. Смех детей, плеск воды, музыка из динамиков — всё глохнет. Остаётся только это. Его спина. Её розовый купальник. Их губы.

Я не чувствую ног. Не чувствую воздуха. В груди что-то обрывается и падает вниз, в животе образуется ледяная пустота. Я не ревную. Я проваливаюсь в чёрную яму, где нет ничего, кроме понимания: я — функция. Меня заменили. Как старый, удобный, но не нужный больше предмет. Он отрывается от неё, она смеётся, гладит его по плечу. Он что-то шепчет ей на ухо. Она краснеет, бьёт его по груди.

Я смотрю на часы. Одиннадцать утра. Я спала с ним в одной постели всего несколько часов назад. А сейчас он целует другую, и в его глазах свет, ради которого я готова была горы свернуть.

Я не подхожу. Не кричу. Не бросаюсь в воду. Зачем? Устраивать сцены? Доказывать, что я лучше? Доказывать нечего. Я не лучше. Я просто другая. Я — удобная. А она — новая. Новое всегда привлекательнее, это закон рынка.

Я разворачиваюсь обратно. Ноги не слушаются, но я заставляю их идти. Халат развевается, полотенце падает на плитку, я не поднимаю. В лифт захожу, и только там понимаю, что дрожу. Мелко, противно, как в ознобе.

— Возьми себя в руки! — Неожиданно говорю вслух. — Возьми себя в руки, Лена!

Голос чужой, хриплый.

Прислоняюсь к стене, смотрю на своё отражение. Женщина в зеркале бледная, с расширенными зрачками, сжатыми губами. Красивая? Наверное. Молодая? Уже нет. Ухоженная? О да, это единственное, что у меня осталось.

В номере достаю чемодан и начинаю собирать вещи. Два купальника, в которых я так и не искупалась. Платья, которые не надела. Книга по нейрореабилитации, которую читала, пока он спал.

Чемодан закрывается с сухим щелчком. Крышка гроба наших отношений захлопнута.

Сажусь на край кровати. Смотрю на руки. Они дрожат. Руки, двадцать пять лет готовившие ему еду, гладившие его рубашки, растившие его детей. Руки, которые он целовал когда-то.

Звонит телефон. Дима.

Я смотрю на экран. «Любимый». Сейчас это слово выглядит насмешкой.

Сбрасываю.

Он пишет: *«Ты где? Я тебя в спа не вижу».*

Не отвечаю.

Пишет снова: *«Лен, всё хорошо?»*

Я смотрю на эти три слова и чувствую пустоту. Громадную, холодную, как бассейн, где он только что целовал дружгу.

«Всё хорошо», — хочет ответить мозг. «Всё плохо!» — кричит сердце. Но сердце уже давно никто не слушает.

Выхожу из номера. В коридоре оглядываюсь. Красивые двери, мягкий свет, дорогие ковры. Наша сказка. Моя сказка, которую я строила для него. Спускаюсь вниз. Подхожу к стойке регистрации.

— Девушка, могу я заказать такси?

— Конечно. Скажите адрес?

Я смотрю на карту города за её спиной. Сочи. Большой, чужой, незнакомый. — В любую гостиницу. Подальше отсюда.

Она смотрит удивлённо, но кивает. Жены сбегают, мужья догоняют. Курортный роман в действии.

— Машина будет через пять минут.

— Спасибо.

Выхожу на улицу. Солнце слепит, пальмы шелестят, пахнет морем и цветами. Красиво. Невыносимо красиво. Хочет-

ся зажмуриться и исчезнуть, раствориться в каплях синего моря.

Сажусь в такси. Называю первое, что видела в интернете. Старый советский санаторий. Место, где он не станет меня искать.

— Туда? — водитель удивлён. — Там не фонтан.

— Туда!.. — Рычу убедительно.

Машина трогается. Я смотрю в окно. Наш отель с золотыми буквами на фасаде уменьшается за спиной. Бассейн, где он плавает с ней, исчезает за поворотом. Расписанная по минутам жизнь остаётся в брошенном номере. Такси уносит меня в неизвестность.

Телефон вибрирует снова и снова. Сообщения, звонки. Я выключаю звук.

— Всё нормально? — спрашивает водитель.

— Нормально.

Он кивает и больше не лезет.

Я смотрю на руки. Они всёещё дрожат. Сжимаю их в кулаки, прячу под бедра.

В голове почти пусто. Там только одна мысль, которая бьётся, как птица в клетке: «Я хочу исчезнуть. Просто исчезнуть».

Гостиница, куда мы приезжаем, и правда старая. Облупленная штукатурка, скрипучие двери, запах сырости в холле. Я беру номер, поднимаюсь на второй этаж по лестнице с истёртыми ступенями.

Комната маленькая. Узкая кровать, тумбочка, шкаф. И окно. Из окна видно море. Далёкое, но видно.

Я сажусь на подоконник, смотрю на синюю полосу вдалеке. Телефон молчит — я включила беззвучный режим, но экран загорается снова и снова. Дима пишет:

«Лена, где ты?»

«Это не то, что ты подумала».

«Пожалуйста, ответь!»

— Не то, что я подумала? — говорю вслух. — А что я могла подумать? Что ты спасал утопленницу? Что делал ей искусственное дыхание рот в рот?

Голос срывается.

Я закрываю глаза и снова вижу эту картинку. Вода. Его руки. Её розовый купальник. Его губы на её губах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.